

Через 100 лет после Февраля

Рынок и демократия, капитал и свобода

© Бузгалин А. В.

© Buzgalin A.

Через 100 лет после Февраля. Рынок и демократия, капитал и свобода

In 100 years after February. The market and democracy, the capital and freedom

Аннотация. В статье в связи со 100-летием Февральской революции показано: тотальный рынок симулякров и гегемония корпоративного капитала подрывают демократию, насаждают манипулирование и политическое производство. Это не только завело поздний капитализм в тупик, но и спровоцировало поиск решения проблем на путях консерватизма, что ведет к регрессу. Предложена программа глубоких реформ, направленных на социальное освобождение.

Annotation. One hundred anniversary of February Revolution in Russia ones again rises questions of current interest. Is uprising from bellow, destroying dictatorship of an old regime, a step towards the socialist revolution and progress or a prototype of “color revolutions” that lead to chaos? Are democracy and freedom still in agenda or they are completely discredited by modern practices of manipulation and “democracy of cruise missiles”? Modern total market of simulacra and hegemony of corporate capital undermine democracy, implement manipulations and “political production”. This type of political and economic system has led “late capitalism” to the dead-end and provoked inspiration of conservatism, which leads for this dead-end in the direction of regress. The article provides a program of radical reforms that will lead in the direction of social liberation.

Ключевые слова. Февральская революция, социальное освобождение, демократия, рынок, капитал, Россия.

Key words. February Revolution, social liberation, democracy, market, capital, Russia.

Сто лет, отделяющие нас от революции, положившей конец многовековому господству абсолютной монархии в России, не сделали проблемы демократии и свободы и их социально-экономических основ менее актуальными. Более того, эти проблемы обострились. Глубоко закономерно, что поздний капитализм (причем и в странах «ядра», и на «периферии») породил целый спектр глубочайших вызовов традиционным демократическим принципам. Это заставляет все более широкий круг экономистов и политиков, «рядовых граждан» и «элитарных» интеллектуалов сомневаться в абсолютной ценности демократии и склоняться к консервативно-державным дискурсам.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович — профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва), доктор экономических наук, главный редактор журнала «Вопросы политической экономии», главный редактор журнала «Альтернативы».

Сокращенная версия статьи. Полная версия будет опубликована в журнале «Альтернативы» (2017. № 1 (весна)).

Либерально-демократические ценности ныне все чаще отменяются как дискредитировавшие себя. В нашей стране среди не только правых консерваторов, но и левых теоретиков нарастает негативное отношение к соответствующим принципам.

И это в нашей стране, которая еще в конце 1980-х захлебывалась от восторженного воспевания «общедемократических ценностей». И это в Европе и США, где приоритет концепции прав человека еще недавно казался незыблемым.

Причины очевидны. В нашей стране под прикрытием этих лозунгов был разрушен наш общий дом, СССР, и проведены повергнувшие страну в кризис «либеральные реформы». На Западе уже не первое десятилетие «демократы», стоящие у власти, не могут решить проблем застоя, миграции, культурной стагнации, а всему остальному миру предлагают только одну демократию — «демократию крылатых ракет».

Напомним, изначально демократы и либералы боролись против рабства и крепостничества, диктатуры бюрократии и сословного неравенства, политической цензуры и церковного мракобесия. Но вот вопрос: почему из реальных борцов против предельно жестких форм подавления человека — каковыми они были в XVIII, XIX, а кое-где еще и в XX в. — они превратились в тех, кого все больше ненавидят мечтающие освободиться от угнетения?

От ответа на него зависит возможность предотвращения комплексного регресса, который сегодня становится очевидной и страшной угрозой. Ведь все большее число политиков и их духовных «вождей» (а за ними и рядовых граждан) видит выход из тупика, в который нас завела власть «демократов», в патриархально-феодалном возврате в прошлое. Тем важнее понять глубинные корни такой ситуации и найти выход, который позволит не только очистить принципы и ценности демократии и свободы, но и пойти дальше — от формальной буржуазной демократии к реальному народовластию, от негативной свободы, «свободы от» к социальному освобождению Человека.

Почему рынок и капитал были
основаниями демократии и свободы,
и почему левые не должны забывать об этом

Демократия, означающая в буквальном переводе с древнегреческого «власть народа», в политической практике никогда не была реальным народовластием. Даже с формальной точки зрения демократические системы в буржуазных обществах вплоть до XX в. исключали из политического процесса женщин, несколько ранее — рабов (на Юге Северной Америки — вплоть до середины XIX в.), а первоначально предполагали наличие имущественного ценза. В Российской империи еще в XX в. избирательное право было неравным для разных сословий, а протопарламент — полностью зависим от царя. Масса формальных ограничений демократии сохраняется и сегодня в большинстве стран периферии и полупериферии. Но это — далеко не главная проблема существующих

демократических систем. Главное ограничение реальных политических прав граждан связано с социально-экономическим неравенством, являющимся атрибутом рыночно-капиталистической системы.

На протяжении уже не одного столетия критически мыслящие интеллектуалы подчеркивают очевидное противоречие: если участники политического процесса голосуют «рукой», то участники экономического процесса голосуют рублем (долларом, фунтом, йеной). Соответственно, если в политическом процессе у каждого человека один голос, то в экономическом — у всех по-разному. Формально (политически) они имеют равные права. Реально (экономически) неравная роль в политическом процессе миллионера и обычного работника очевидна. Рынок и капитал (сосредоточенный в любой капиталистической системе преимущественно в руках нескольких процентов населения) создают фундаментальное и неустранимое в рамках данной системы политическое неравенство граждан.

Рынок и капитал (сосредоточенный в любой капиталистической системе преимущественно в руках нескольких процентов населения) создают фундаментальное и неустранимое в рамках данной системы политическое неравенство граждан.

Классический марксизм со свойственной ему прямоотой назвал эту ситуацию диктатурой буржуазии, скрытой за внешней формой демократии (отсюда и понятие «диктатура пролетариата» — провозглашение принципа демократии для наемных работников, т. е. абсолютного большинства общества, при отстранении от политического процесса граждан, являющихся собственниками капитала). На наш взгляд, эта прямота выражений Маркса и Ленина оказалась столь же обоснованна, сколь и неуместна. В XX в. она послужила, с одной стороны, камуфляцией ими же подчеркиваемого различия между демократическими и диктаторскими формами господства капитала, а с другой — основой для отождествления лозунга «диктатуры пролетариата» с практикой диктатуры партийно-государственной номенклатуры.

Власть буржуазии, скрытую за формой демократии, гораздо точнее обозначать термином «гегемония капитала».

Но почему же тогда классический капитализм начал путь к своему политическому торжеству именно с борьбы за демократию и с лозунгов о свободе слова и правах человека и гражданина?

Ответ хорошо известен и важен. В его формулировке сходятся представители и марксизма, и либерализма, причем и раннего, и современного, вплоть до теоретиков австрийской школы. Классическому капитализму, предполагающему господство отношений свободной конкуренции,

частной собственности на капитал и наемного труда свободного работника, адекватна политическая форма, обеспечивающая не только экономические, но и политические права частного собственника.

Это гарантирует сохранение данного строя и достигается введением имущественного ценза на участие в политическом процессе, что и было сделано, кстати, отцами-основателями хрестоматийного буржуазно-демократического государства САСШ.

Но «рыночная экономика» (термин, не случайно используемый либералами вместо «капитализм») предполагает, что большинство населения является лично свободными наемными работниками и тоже частными собственниками. Пусть всего лишь одного товара (своей рабочей силы), но собственниками и формально равноправными акторами рыночной экономики. К тому же их подавляющее большинство, и в определенных условиях они способны к самоорганизации и социально-творческой деятельности (в самых разных формах — от забастовок до вооруженных восстаний), мощность которой сравнима с мощностью капитала. Поэтому рано или поздно, но политические права в буржуазных обществах получают и наемные работники.

Контроль политического процесса, однако, остается в руках капитала, ибо именно ему принадлежат материальные основы политического процесса — финансовые и материальные ресурсы, обеспечивающие контроль как над функционированием политических институтов, так и общественным сознанием (СМИ и университеты, прямо или косвенно покупаемые политики и политтехнологи).

Так складывается политическая система классического капитализма, гарантирующая собственникам капитала экономические и политические права и контроль над всеми основными политическими и идеологическими институтами, обеспечивающими главное условие функционирования капитализма — неприкосновенность частной собственности. Формально равные права гарантируются и собственникам товара «рабочая сила» — наемным работникам.

Последнее принципиально: *наличие формальных демократических прав и свобод — столь же недостаточная, сколь и необходимая предпосылка для выраживания альтернативы гегемонии капитала.* Буржуазные демократические институты дают формальную основу для формирования институтов социального освобождения:

- свобода слова позволяет формировать и распространять пространство левых идей, теоретических подходов, образования;

- свобода создания и деятельности общественных организаций позволяет решать задачи снятия (или минимизации) социального отчуждения во всем многообразии этого проблемного поля: от отстаивания интересов наемных работников в сфере труда и его оплаты до проблем борьбы за общедоступное образование и здравоохранение, чистую природу, гуманистически ориентированное развитие культуры;

- свобода политической деятельности открывает возможность создания левых партий и их участия в парламентской деятельности, даже в правительстве;

— выборность верховной власти открывает возможность мирной смены не только формы, но и содержания экономической и политической власти.

Однако все эти возможности формальны. Превращение их в реальность сталкивается с гегемонией капитала, которому подчинены все основные институты современной общественной жизни. Но наличие этих формально равных для всех правил открывает трудящимся возможность противопоставить силе гегемонии капитала силу социально-освободительной деятельности по разотчуждению мира капитала, силу социального творчества трудящихся [8. С. 125].

Пока это не более чем классика марксизма, отражающая расстановку сил в классическом капитализме, где капитал является сторонником пусть формальной, но демократии, а наемные рабочие объединены индустриальным производством в крупные коллективы и имеют сильные экономические и политические институты (профсоюзы, политические партии), способные отстаивать его интересы.

Когда, в какой мере и почему рынок и капитал перестают быть основаниями демократии и свободы

Закат капиталистической общественно-экономической системы, начавшийся в XX в. и ознаменовавшийся вступлением этой системы в стадию, которую можно назвать «поздним капитализмом», изменил вышеописанную классическую ситуацию. Начав со ступени, названной еще 100 лет назад монополистическим капитализмом и империализмом, отметив середину прошлого века социальными реформами (и их alter ego — фашизмом), войдя в конце XX столетия в стадию глобальных неолиберальных трансформаций и оказавшись сегодня на пороге консервативно-имперского регресса, этот строй во многом изменил природу рынка, капитал и политические механизмы.

Анализу этих изменений автор и А. И. Колганов посвятили два тома книги «Глобальный капитал» [5], многие выводы которой вырастают из разработок отечественных и зарубежных коллег [16; 21; 19; 18].

Согласно марксистской методологии рассмотрим изменения в производственных отношениях, вызванные противоречивым, направленным на развитие преимущественно посреднического сектора, ВПК и массового потребления, но все же реальным прогрессом технологий.

Главные изменения в *отношениях товарного производства*, начавшиеся 100 лет назад и подмеченные еще В. И. Ульяновым-Лениным, состоят в том, что крупный высококонцентрированный капитал, во-первых, обретает способность локально регулировать экономические отношения, подчиняя потребителей и субпоставщиков своей рыночной власти (ученые «цаголовской школы» политэкономии назвали это «неполной планомерностью») [15; 13; 14]. Это приводит к подрыву, но не отмене свободной конкуренции. С конца XX в. этот подрыв развился в *систему отношений между корпоративными союзами-сетями по манипулированию определенными сегментами*

экономического пространства. Отныне не производитель подстраивается под спрос покупателя, который всегда прав, а потребитель желает и стремится приобрести то, что ему навязывает в качестве потребности корпоративный капитал [11]. Эту закономерность многократно открывали самые разные мыслители; одно из наиболее точных ее описаний содержится в книге Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» [9].

Во-вторых, столетие назад началось сращивание корпоративного капитала и государства, которое к середине XX в. было детально описано как отечественными, так и зарубежными марксистами [17].

В-третьих, в последние десятилетия рынок стал тотальным, включив в орбиту коммерческих отношений не только производство и потребление его продуктов, но и социально-политические процессы, образование, науку и культуру, личную жизнь человека и его свободное время. В результате все эти сферы оказались — где формально, а где и реально — подчинены не просто рыночной конъюнктуре, а власти корпоративного капитала.

Наконец, товары, обладающие реальными потребительскими стоимостями, удовлетворяющие потребности, обеспечивающие прогресс технологий и человеческих качеств, стали вытесняться товарами-симулякрами, продажей и покупкой знаков потребительных стоимостей.

Природа *капитала* также претерпела значительные трансформации. Ключевыми акторами капиталистического производства стали *корпоративные сети*, главная экономическая власть в которых принадлежит корпоративной номенклатуре (западные интеллектуалы называют ее представителей «инсайдерами»), контролирующей не столько акции, сколько реальные права собственности. Контроль над финансовыми и информационными потоками, принятием ключевых решений, кадрами, так называемая безопасность, связь с лобби в госаппарате — вот что сегодня обеспечивает реальную власть-собственность.

Отношения эксплуатации превратились в сложную систему присвоения капиталом не только прибавочной стоимости, но и *интеллектуальной ренты*, являющейся продуктом эксплуатации креативных работников, империалистической ренты, являющейся продуктом эксплуатации периферии и полупериферии транснациональным корпоративным капиталом, а также плодом эксплуатации большинства членов общества виртуальным фиктивным финансовым капиталом.

Не менее важно, что наряду с формальным и реальным подчинением работника в процессе труда *современный корпоративный капитал* создал систему отношений подчинения свободного времени человека, а также трансформировал в квазикапитал его самого и его социальные связи, стремясь превратить в процесс самовозрастания стоимости все сферы жизнедеятельности: учебу и дружбу, брак и семью [20; 7].

У этой медали, однако, была (а отчасти сохраняется) и другая сторона — значительная *социализация рыночно-капиталистической системы*. Развернувшееся с середины XX в. социал-демократическое ре-

формирование капитализма стало существенным фактором частичной трансформации этой системы. Подчеркнем в связи с этим три особенно важных аспекта.

1. Качественных изменений в отношениях собственности и в политической системе капитализма не произошло: социал-демократия вмешалась преимущественно в отношения распределения. Часть прибавочной стоимости стала направляться на решение общесоциальных задач, что снизило неравенство и повысило социальную защищенность граждан стран «центра». Отношения собственности и власти затронуты не были: и то, и другое осталось в руках корпоративного капитала и сращенной с ним высшей государственной бюрократии. Произошедшие изменения (частичное привлечение трудящихся к собственности и управлению, расширение полномочий институтов гражданского общества и т. п.) носили гораздо менее глубокий характер, нежели изменения в отношениях распределения.

2. Эти подвижки стали результатом не благородных интенций капитала и не формально-демократических процедур, а ожесточенной борьбы трудящихся (прежде всего промышленного пролетариата в союзе с левой интеллигенцией). Череда социалистических революций, всеобщие и локальные забастовки, вооруженные восстания, борьба с фашизмом и победа над ним (в Европе окончательно лишь в 1970-е гг. — не забудем об Испании, Португалии, Греции) — таким был путь к социал-демократическому компромиссу. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что победа этого компромисса напрямую связана с утверждением продвинутых форм буржуазной демократии. Они открыли дорогу активному развитию профсоюзов и других антигегемонистских институтов гражданского общества, активизации левой интеллигенции и возвышению роли левых идей в общественном сознании (особенно во Франции и Италии 1960-х гг.).

3. Социал-демократические реформы затронули лишь небольшую часть капиталистического мира — страны «центра». С 1980-х начался откат от этих достижений, а общедемократические институты стали коммерциализироваться и перерождаться под прямым и косвенным манипулятивным воздействием корпоративного капитала.

В результате этих процессов в странах «центра» сначала сформировалось, а затем начало разлагаться «общество двух третей», а социальное неравенство, как ему и положено при капитализме, стало вновь углубляться¹.

Эти трансформации в социально-экономической сфере повлияли на *изменения в политических отношениях.*

¹ «Расширенное экстенсивное и интенсивное воспроизводство гегемонии капитала и усиление его экономико-политической власти и богатства, с одной стороны, и ослабление власти и богатства на стороне противоположных капиталу экономико-политических сил — с другой, происходит в условиях позднего капитализма в той мере, в какой ослабляется (1) прогресс креатосферы и, соответственно, использование в процессе капиталистического накопления личностных качеств работника как профессионала и креатора, а также (2) социально-творческая активность антигегемонистских сил» [б. С. 403].

На смену демократии, скрывавшей власть тех, кто обладал большим экономическим ресурсом (собственников капитала), но обеспечивавшей относительное равенство и защищенность прав частных собственников и потому желанной и необходимой для них, приходит иной политический механизм.

Сегодняшняя «демократия» — это, во-первых, даже формально уже не равные права и свободы граждан (хозяев своего государства, того самого «демоса», у которого в руках «кратос»), а *политический рынок*, акторами которого являются продавцы и покупатели политического товара.

Во-вторых, этот рынок (как и всякий рынок в условиях позднего капитализма) отличается лишь видимостью свободной конкуренции. Реально им манипулируют корпорации, производящие «политический товар», голоса, отданные за ту или иную партию или кандидата. Точно так же, как система отношений манипулирования навязывает вам желание выпить раствор ортофосфорной кислоты, чтобы у вас все было «кока-кола», вам навязывается очередной псевдолиберальный или псевдосоциальный кандидат в президенты или политическая партия. На современном политическом рынке работает тот же механизм, что и на рынке товаров и услуг: не политические акторы ориентируются на интересы граждан, а гражданам навязываются ценности и ориентиры, отвечающие интересам хозяев политических игроков. И так же, как на рынке прохладительных напитков у вас есть выбор между «кока-» и «пепси-колой», на рынке политических товаров у избирателя есть выбор между социал-демократами и либералами.

Добавив к этому подчинение корпоративному капиталу свободного времени, образования, личностных отношений, мы получим целостную систему не только социально-экономической, но *политико-идеологической гегемонии корпоративного капитала*. Впрочем, и в экономике, и в политике гегемония капитала, при ее тотальности, не является абсолютной: кое-кто, несмотря на все манипулятивные воздействия, пьет квас и голосует за коммунистов...

Теперь самое время ответить на вынесенный в заголовок подраздела вопрос: нужна ли такому капиталу демократия, и если «да», то какая?

Для классической буржуазной демократии — демократии молодого капитала — политические свободы и права были нужны как для обеспечения этому капиталу политических гарантий свободной конкуренции, так и для защиты его от привилегированного положения старой элиты (монархического государства, аристократии).

Для современного, «позднего» (даже старого) капитала нужна уже не классическая буржуазная демократия, а ее симулякр — знак, создающий объективную видимость того, чего на самом деле нет (здесь та же логика, что и в случае с брендовой этикеткой на обычной одежде: пришили правильный лейбл — плати в десятки раз дороже и гордись тем, чего на самом деле нет, ибо у тебя есть только видимость несоизмеримо лучшей одежды, знак превосходства).

Что же представляет собой этот симулякр демократии?

Сформулируем ответ в виде закономерности: в какой мере эффективны механизмы политического манипулирования (в частности, политические технологии, обеспечивающие *производство* из пассивного объекта электората заданного результата — голосов), в такой мере не работают механизмы активного гражданского волеизъявления, не реализуется власть народа и подрывается демократия в ее глубинном значении: для современного общества характерна обратно пропорциональная связь между развитием демократии и массовым политическим производством [6].

Система отношений массового политического производства порождает систему отношений массового политического потребления. *Массовый потребитель симулякров политико-идеологического рынка становится дополнением массового потребителя симулякров, предлагаемых на рынке товаров и услуг, образуя массовое и устойчивое социально-экономическое и политико-идеологическое основание тотальной гегемонии корпоративного капитала.*

Эти симулякры демократии генерирует, воспроизводит и защищает политический либерализм XXI в.

Но чем дальше, тем больше граждане начинают понимать, что «король-то голый». И это видят лучше всего те, на кого относительно меньше распространяется манипулятивное воздействие корпоративного капитала.

Это, прежде всего, граждане стран «центра», активно включенные в социально-творческую деятельность: в социальные движения и профсоюзы, в левые партии и экосоциогуманитарные НПО.

Относительно неплохо это видят и граждане стран периферии и полупериферии, особенно тех, где относительно слабо манипулятивное влияние корпоративного капитала и где (как на постсоветском пространстве) сохраняются традиции видеть не только симулякры и цветные иллюзии Голливуда и CNN. Иногда снятию миражей неолиберализма содействует сама политико-идеологическая система (что отчасти происходит в России, где в последние годы стала влиятельна антилиберальная риторика). Однако (и это очень важно!) в этих странах сильно другое, как правило, реакционно-фундаменталистское манипулирование.

Подытожим. Глубинные изменения в социально-экономических отношениях позднего капитализма породили такой рынок и такой капитал, которым нужна форма *манипулятивной демократии*, содержанием которой является тотальная гегемония корпоративного капитала, а симулякром — «общедемократические ценности».

Для эффективного функционирования манипулятивной демократии необходимо сохранение *формы* свободной конкуренции на политическом рынке и потому — формальных буржуазно-демократических институтов («правил игры») и процедур. При утрате этой формы конкурирующие политико-экономические кланы утрачивают возможность мирного выяснения, кто сильнее, и рискуют попасть под определяющий контроль одного из таких кланов, навечно сращенного с верховной (полу)авторитарной государственной властью. Поэтому нынешние

правлящие либеральные и социал-демократические партии продолжают насаждать этикетки «общедемократических ценностей» и «прав человека». Производство политических симулякров современному рынку и капиталу необходимо не меньше, чем производство симулякров экономических.

С другой стороны, симулякры демократии необходимы современному рынку и капиталу лишь в той мере, в какой они создают благоприятную атмосферу для политико-идеологического манипулирования. Отсюда *прямая заинтересованность политических представителей корпоративного капитала в подавлении всех форм реального включения граждан в политическую и близкую к ней социально-творческую деятельность*. Она тем выше, чем больше реальная мера эксплуатации. В первую очередь это касается тех слоев трудящихся, которые способны оказывать существенное влияние на политический процесс, — организованного промышленного пролетариата и «рядовой» интеллигенции.

Для решения этой задачи в условиях стагнации (если не разложения) социал-демократической модели оказывается полезен *управляемый консервативный политико-идеологический дискурс*.

Мера интенсивности и реакционности этой консервативной волны *в принципе* должна быть прямо пропорциональна мере ухудшения социального положения большинства, помноженной на угрозу реального социального протеста. Этот тренд представлен в широком диапазоне политических форм: от умеренного и «цивилизованного» национализма до полу- и просто фашизма. Опять же, *в принципе* этот консервативный тренд должен оставаться не более чем одним из орудий манипулирования политическим процессом со стороны корпоративного капитала и сращенного с ним государства.

Однако реальные политические практики далеко не всегда согласуются с принципиальными установками, а фашиствующие куклы имеют тенденцию вырываться из подчинения кукловодов и превращаться в демиургов античеловеческих диктатур. В условиях, когда перед корпоративным капиталом встает выбор между реальной угрозой потери не только доходов, но хотя бы части своей собственности и власти и необходимостью поделиться политической властью с той или другой разновидностью авторитарного (а то и фашистского) государства, капитал выбирал и, скорее всего, продолжит выбирать второй вариант.

В результате подобного выбора в 1930-е гг. большая часть Европы оказалась под властью фашистов, а во многих странах Латинской Америки, Азии и Африки во второй половине XX в. у власти сменялись различные типы диктаторов. На Украине 2010-х гг. поощряется правый национализм и откровенный фашизм.

В России этот тренд проявляется в растущей консервативно-охранительной политике, ориентированной на укрепление, по сути, позднефеодалных порядков. Большая часть российского корпоративного капитала от этих подвижек больше выигрывает, чем проигрывает. Кроме того, на этом пути можно канализировать в русло казенного патриотиз-

ма угрозу социального протеста — тем более явную, что в стране вот уже десять лет продолжают стагнация и рост социального неравенства.

Вывод столь же очевиден, сколь и угрожающ: *корпоративный капитал начала нового века*, столкнувшись с исчерпанием внутренних и внешних ресурсов преодоления перенакопления капитала, *начинает тяготеть к поиску политико-идеологических решений социально-экономических проблем на пути еще большего зла — правоконсервативного, ведущего к более или менее жесткой диктатуре.*

Основные причины этого, повторю, экономические.

Глобальная экспансия капитала вширь столкнулась с созданным самим же транснациональным капиталом пределом: Китай, Индия и другие страны превращаются в реальных конкурентов.

Финансово-экономический кризис 2007—2009 гг. показал, что внутренние источники решения проблемы перенакопления капитала путем создания фиктивно-виртуальных финансовых пузырей не безграничны.

Возврат к социал-демократическому частичному реформированию в его прежних формах невозможен, ибо они себя исчерпали еще в конце прошлого века, а уступать доходы, собственность и власть капитал не намерен (тем более что столь мощной, как в середине XX в., угрозы ему нет: ни СССР, ни мирового коммунистического движения, ни общепланетарной антиколониальной борьбы не наблюдается).

Перед теми, для кого власть народа и свобода есть смысл жизни и деятельности, причем не только своей, но и предшественников и потомков, — встает задача определения альтернатив ново-старой правоконсервативной угрозе.

В поисках альтернатив новой консервативной волне

Восстановление традиционных либерально-демократических ценностей в их прежнем виде для большинства населения нашей страны неприемлемо.

Клиберально-демократической модели Россия опоздала (Гирш Ханин когда-то сказал об этом: «Россия к рынку опоздала»). И даже не сегодня — позавчера, в начале XX в., что поняли победившие большевики, но не поняли их проигравшие оппоненты.

Наша страна жила вплоть до начала XX в. в условиях абсолютной монархии, сутью которой в последние десятилетия был военно-феодальный империализм. Затем СССР — стал системой также крайне далекой от либеральной модели, для которой попытки демократизации обернулись социально-экономическим, а также внешнеполитическим кризисом 1990-х, но которая при этом создала космические и ядерные технологии, неистребимо высокий уровень образования и культуры, традиции солидарности и социального творчества. В такой стране пытаться внедрять модели либерального рынка и демократии даже не преступно — глупо.

Но уже не глупо, а преступно навязывать по этой причине нашему обществу правоконсервативный проект, отбрасывающий Россию в воз-

можное, но реакционно-тупиковое прошлое. Трагедия Российской империи, не случайно приведшая к Февралю и Октябрю, при попытке ее повторения обернется фарсом, который дорого обойдется всем нам.

Основания для такого вывода известны: авторитарно-консервативная политико-идеологическая надстройка формируется как форма закрепления социально-экономических отношений того самого военно-феодалного империализма, который сложился в Российской империи в начале XX в. и был призван решить задачи индустриальной модернизации. Но ни этот экономический строй, ни его политическая форма задачу решить не смогли, ибо делали это неэффективно, ориентируя воспроизводственные процессы на цели укрепления власти и обогащения слоя, который сейчас, сто лет спустя, уместно назвать государственно-олигархической номенклатурой.

Этот слой, да еще и в условиях никак не контролируемого снизу политико-экономического господства, способен создавать лишь симулякры борьбы за общенациональные интересы, подавляя население пропагандой и совершая знаковые, но, по сути, малозначительные геополитические демарши с целью поднятия казенно-патриотического настроения. Реальные цели такой властной «элиты» состоят в расширенном воспроизводстве ее собственности и власти.

Исторические примеры успешной модернизации под эгидой такой экономико-политической власти есть, но они печальны. Это примеры из истории ряда стран третьего мира в 1950–1970-х гг. Наиболее типичный из них — Южная Корея, где вторичная (копирующая с отставанием на одно-два десятилетия) индустриальная модернизация проводилась под эгидой США и при помощи нещадной эксплуатации трудящихся (10–12-часовой рабочий день практически без выходных и с очень низким уровнем заработной платы). В конечном итоге через много десятилетий Южная Корея стала одной из успешных стран полупериферии.

Этот результат не только мало желателен для нашей страны. Он еще и нереализуем, ибо, во-первых, индустриальная модернизация, основанная на *такой* эксплуатации, относительно эффективна только при создании производств, основанных на трех-четырёх технологических укладах. А для создания экономики XXI в. — экономики «умных фабрик» и креативного производства², где основными отраслями являются образование, наука и культура [12], — нужны творческие работники, которым в свою очередь нужно много свободного времени, высокий уровень образования, культура и пространство для личностного развития.

Во-вторых, такая модернизация в отсталой стране (каковой сейчас является Россия) возможна только под патронажем сверхдержавы; и россияне, в большинстве своем, не согласятся развиваться в качестве сателлита США или Китая.

² Тезис о приоритетном развитии знаниеемкого производства выдвинут и аргументирован в работах С. Д. Бодрунова [1; 2]. В диалоге с Д. Б. Джабборовым автор этого текста предложил несколько иную формулировку — приоритетное развитие креативного производства [10].

В-третьих, даже если предположить, что каким-то чудом за полвека мы такую модернизацию проведем, результатом ее окажется тот самый кризис, который привел к революции Российской империи: узкие анклавные современного производства с протестно настроенными (в силу их сверхэксплуатации) трудящимися; нерешенные проблемы отсталых секторов, где занято большинство населения; коррумпировано-неэффективная верхушка.

Так где же выход?

Он известен и был намечен Революцией: мы должны и можем идти не назад — к демократии, а вперед — к реальной власти демоса; причем не в прежнем, а в современном прочтении обоих понятий. Организованные граждане, постоянно создающие формы своей общественной жизни, — такова предельно абстрактная, но точная формула власти граждан, адекватная задачам движения вперед из тупика квазилиберальных форм позднего капитализма. На место демоса здесь приходят ассоциации граждан; на место обеспечивающей власть демоса системы отчужденных формальных институтов (законов, процедур, чиновников, полицейских) — их собственная (само)деятельность; на место более или менее демократического государства — государство отмирающее, превращающееся в социально-творческую деятельность граждан.

Именно на этот путь вступили 100 лет назад трудящиеся нашей страны, начавшие создавать в результате победы Февральской революции систему Советов. На эту сторону Февраля сегодня не принято обращать внимание — большинство интеллектуалов копается в хитросплетениях интриг политиканов из Временного правительства и претендентов на роль будущего диктатора. Между тем, независимо от этих игроков в демократию и тех, кто собирался, подобно Корнилову и К^о, ее похоронить, полуграмотные граждане России в деревнях и городах самостоятельно создавали свою будущую власть — *Советы*³, которые взяли на себя ответственность и бремя созидания нового государства в Октябре. *Из тупиков демократической говорильни и бездействия они пошли не назад, к диктатуре, а вперед, к социальному творчеству новой государственности (Советского Союза), новых социально-экономических отношений.* Этот опыт мутировал, не удался? Вместо большей, чем буржуазная, демократии вырос режим с политической цензурой и властью номенклатуры?

И да, и нет.

Да — ибо в СССР и других пространствах «реального социализма» политико-идеологическая система не обеспечивала ни реального свободомыслия, ни реального *свобододействия*. Власть оставалась в руках более или менее репрессивного партийно-государственного аппарата. Мера и формы подчинения граждан государству при этом, естественно, были разными в разных странах в разные периоды времени (одно дело — диктатура номенклатуры в конце 1930-х в СССР, другое — политическая система Кубы во главе с Фиделем), но реальное народовластие

³ Напомним: впервые Советы стали создаваться еще во время революции 1905 г.

они не обеспечивали нигде, а в ряде случаев — вырождались в прямую кровавую диктатуру.

Нет — потому что оторванная от народа и стоящая над ним номенклатура в странах реального социализма решала отнюдь не только задачи укрепления своей власти. Она решала преимущественно задачи развития страны в целом. Решала противоречиво, не во всем успешно и далеко не всегда адекватными методами (в ряде случаев — антинародными), но решала. И если политические права были в странах «реального социализма» ограничены сильнее, чем в странах с манипулируемой буржуазной демократией, то социально-экономические права граждан и реальное их включение в социальное творчество и культуру в наилучшие периоды «реального социализма» (нэп и «оттепель» в СССР) реализовывались гораздо активнее, нежели даже в социал-демократических анклавах позднего капитализма.

И еще одна важная сторона той политической системы: она позволяла решать задачи общенародной мобилизации. И отнюдь не только методами диктатуры и репрессий, хотя и они имели место. Возвышение масс трудящихся до прямого творчества истории, их включение в социальное творчество, разотчуждение⁴ их общественной жизни — все то, что называют ныне почти забытым словом «энтузиазм», позволяло решить в невиданно короткие сроки задачи создания одной из лучших в мире систем образования, научно-технических прорывов, массового включения в подлинную культуру, победы над всеобщим врагом человечества — фашизмом. Буржуазная манипулятивная демократия такие задачи столь быстро решать не может, а некоторые (победа над фашизмом, массовое включение в подлинную культуру) не может решать вообще.

Что же до цены, то при всей критике преступлений «социалистической» номенклатуры нельзя забывать и о необходимости столь же жесткой критики преступлений финансово-бюрократической номенклатуры капитала. Более миллиарда гнивших в нищете бесправных жителей колоний (вплоть до 1960-х гг.!), десятки миллионов убитых в «локальных» войнах, ядерные бомбардировки мирных городов, поддержка немецкого, итальянского, испанского, португальского, чилийского и т. п. фашизма на протяжении большей части XX в. — это все преступления буржуазно-демократических политических систем. Равно как и их собственные внутренние «завоевания» — «охота на ведьм» и запрет на профессии.

Мы, сторонники социализма и социального освобождения, раз за разом говорим о необходимости помнить обо всех противоречиях и преступлениях «социалистической» номенклатуры и не повторять их, идя вперед к народовластию. Но вот либеральные и социал-демократические защитники абстрактных демократических ценностей постоянно «забывают» о преступлениях и противоречиях буржуазной политической власти.

⁴ Понятие, введенное Л. А. Булавкой [8].

А теперь о главном: какими могут быть шаги вперед, к большей, нежели в условиях буржуазной демократии, реальной свободе человека.

Поскольку в большинстве стран мира (в том числе и в России) в XXI в. господствуют те или иные формы позднего капитализма, речь пойдет о *реформах*, которые возможны в его условиях. Другое дело, что в таких странах, как наша, — где сильны пережитки худших сторон «реального социализма» (власть номенклатуры, бюрократический патернализм и т. п.), и где реверсивное движение истории возрождает массу позднефеодальных форм, — общедемократические реформы по своей глубине, грандиозности и сложности окажутся сопоставимы с революциями. Причина проста: в таких странах для реальных шагов по пути социального освобождения необходимы значимое перераспределение собственности, власти и доходов и качественное изменение институтов («правил игры»). *Реальными* реформами эти изменения станут в той мере, в какой права собственности и каналов политической власти плюс возможности реального ограничения власти капитала окажутся в руках большинства трудящихся.

Реформы и революции: радость и мука социального освобождения

Какими же могут быть такие *реально-реформаторские шаги на пути социального освобождения (разотчуждения) в политической сфере?*

Первое. Необходимое условие движения вперед — критическое сохранение достижений прошлого. В данном случае — достижений буржуазной демократии и раннего политического либерализма. Главные из них — гарантии так называемой негативной свободы, «свободы от» — внеэкономического принуждения и политико-идеологического диктата. Эти принципы, выраженные в документах ООН, должны быть сохранены.

Второе. Формальные гарантии, фиксируемые в конституциях буржуазных государств (свобода слова, митингов, собраний и т. п. права человека), столь же важны, сколь и зависимы от социально-экономического содержания, которое делает эти абстрактные принципы реальными свободами. Поэтому условием реализации юридических прав человека является реализация такого минимума социально-экономических прав, которые делают работника и нетрудоспособного человека гражданином, имеющим реальную возможность практически участвовать в политических процессах. Этот минимум хорошо известен:

- гарантированный социальный минимум (минимальная зарплата, пенсия, пособие) на уровне не ниже 15% от среднего дохода 10% самых богатых граждан страны. Соотношение доходов 10% самых бедных и самых богатых семей будет на уровне скандинавских стран — 6—7 раз. Условие реализации этого императива — высокий (не менее 50%) уровень налогообложения личных доходов наиболее богатых членов общества;

- гарантированная занятость в общественном секторе вместо пособий по безработице;

- бесплатность образования (в том числе высшего), здравоохранения, культурных благ;

- общедоступность пространств для осуществления общественно-политической и культурно-творческой деятельности.

Третье. Ограничение собственности и экономико-политической власти капитала:

- создание комплексной системы экосоциогуманитарных рамок рынка, которые контролируются гражданским обществом;

- развитие системы отношений, гарантирующих участие в управлении работников предприятий всех форм собственности, обязательность социальной ответственности собственника за использование принадлежащих ему ресурсов, общественно-государственное обеспечение развития различных институтов общественной собственности;

- ограничение использования финансовых и иных материальных ресурсов капитала в политическом процессе и максимальная прозрачность деятельности политических структур;

- общественный контроль деятельности как государственных, так и частных СМИ (левыми демократическими организациями за последнее столетие предложен широкий спектр практических шагов в этом направлении).

Четвертое и главное. Формирование органов госуправления на основе принципов, переходных от парламентаризма к советской системе:

- реальное включение демократически избранных представителей власти в практическую деятельность по управлению государством и формирование законодательных органов на основе представительства действующих общественных организаций и социальных движений;

- поддержка развития институтов гражданского общества, построенных на основе принципов добровольной открытой работающей ассоциации при общественном регулировании и ограничении деятельности институтов гражданского общества, формируемых капиталом;

- максимально возможное использование форм прямой (в том числе электронной) демократии и максимально широкая замена деятельности чиновничьего аппарата деятельностью различных общественных организаций и социальных движений.

Все эти реформы осуществимы в рамках капитализма, только когда сформируется ситуация, *близкая* к революционной. Иными словами, когда кризис социолиберального и фатально поправевшего социал-демократического проекта станет очевиден большинству, а «верхи» окончательно продемонстрируют свою неспособность управлять по-старому.

В этих условиях встанет вопрос: кто придет на смену этому обанкротившемуся проекту? Выбор будет невелик: либо консерваторы, разрушающие последние элементы формальной демократии и социальной защиты и создающие под прикрытием популистских (националистических, полуфашистских) лозунгов еще более жесткие авторитарные по политической форме и тотальные по содержанию формы экономико-политической власти корпоративного капитала, либо социалистические силы.

Если левые политико-идеологически будут слабы, победа достанется консерваторам, и трагические последствия этого не заставят себя ждать.

Если левые будут сильны, а мера кризиса не столь велика, чтобы подвинуть «низы» на революционные действия, возможными станут описанные выше реформы.

Если же мера кризиса будет чрезмерна, на повестку дня встанет новая социалистическая революция.

Пока в большинстве стран «ядра» глубокого социально-экономического кризиса, радикально ухудшающего жизнь большей части граждан — прежде всего «рядовой» интеллигенции, занятой в общественном секторе, и позднеиндустриального пролетариата, — нет (хотя в той же Греции ситуация может стать иной в ближайшей перспективе). Но кризис «верхов» назревает, и диффузия «среднего класса», рост социального неравенства, внешние угрозы уже ставят на повестку дня вопрос, кто будет проводить реформы и куда они будут направлены.

Реформы, направленные на экосоциогуманитарное ограничение капитала, проводить в жизнь будут скорее всего не социал-демократические организации (они уже показали свою неспособность к хотя бы частичной радикализации). Это будут последовательно социалистические и демократические коммунистические организации в союзе с экосоциогуманитарно ориентированными движениями (левыми профсоюзами, экологами, «образованцами», феминистами и т. п.) при опоре на левое крыло «рядового» творческого класса (преподаватели, медработники и т. п.) и организованную часть промышленного пролетариата. Но для этого они должны быть консолидированы и не менее сильны, чем консерваторы.

В России ситуация более противоречива, чем в странах «ядра».

Во-первых, сторонником консервативных трансформаций в нашей стране представляется верховная власть, хотя пока этот тренд не закреплен жестко. В этом случае нас ждет интеграция праволиберального курса в экономике с правоконсервативным курсом в политико-идеологической и культурной жизни. Во-вторых, левая оппозиция, оставаясь в социально-экономической сфере на платформе социал-демократии 50-летней давности (что для России, с нашим варварским полуфеодалным капитализмом, совсем неплохо), в сфере политико-идеологической является сторонником преимущественно консервативных реформ.

Но, в-третьих, в эту кажущуюся возможной консолидацию «белых» и «красных» вмешиваются объективные проблемы. С одной стороны, продолжающаяся уже много лет экономическая стагнация и углубляющееся социальное неравенство чреваты кризисом в жизни «низов». С другой, загнивание коррумпированно-бюрократической верхушки, все менее способной решать проблемы общегосударственного управления и пытающейся компенсировать это внешнеполитическими и силовыми методами, ставит под сомнение ее способность реализовать консервативный проект и вывести страну из кризиса. Пятясь назад, она уводит страну от противоречий полупериферийного капитализма в тупик военно-феодалного империализма, который уже 100 лет назад доказал

свою нежизнеспособность, став причиной Великой революции 1917-го. Так встает вопрос: а есть у демократических левых реальная альтернатива этой угрозе?

На данный момент в нашей стране сильного демократического левого движения нет, и это, к сожалению, не случайно. О причинах такой ситуации автором говорилось неоднократно [3]. Поэтому поставим вопрос по-другому: как можно изменить ситуацию?

С большой вероятностью в ближайшей перспективе Россия обречена на дрейф в сторону еще большей рефеодализации в политико-идеологической сфере при усилении в экономической сфере видимости рыночного фундаментализма, скрывающей господство олигархо-бюрократических кланов. Этот процесс не даст позитивных результатов ни стране в целом, ни трудящемуся большинству, и потому будет нарастать разочарование в такой политике властей и в «оппозиции ее величества».

В уже сейчас формирующихся леводемократических группах политически активной молодежи и ассоциациях «рядовых» представителей творческого класса зарождаются ростки новых левых инициатив. Если в будущем (а это более чем вероятно) недовольство перейдет хотя бы в стадию систематического подспудного «говорения» (на кухнях, в социальных сетях, но массово), то база для конструктивного протеста сформируется. А если демократические левые и социальные движения обретут достаточную организованность, то эта база превратится в действующую конструктивную оппозицию, которая сможет начать оказывать серьезное давление на окончательно зашедшую в тупик власть... Если же этого не произойдет, перед страной встанет угроза правоконсервативной диктатуры.

Что же до угрозы «майданов», которых патологически боится не только власть, но и все патриоты (причем как подлинные, так и ряженые), то здесь важно помнить о как минимум двух обстоятельствах.

1. Диктатура и возрастающая мощь карательных органов не только предотвращают социальный протест, но и, наоборот, закрывая последние клапаны народного возмущения, закладывают основы для действительно мощного взрыва, чреватого гражданской войной.

Важная ремарка: в подавляющем большинстве случаев «цветные революции» почти ничего не изменили в природе существовавшего в той или иной стране строя. Везде сохранилась (полу)периферийная модель позднего капитализма. Некоторая перетряска кланов внутри господствующей корпоративно-бюрократической номенклатуры и коррекции в геополитической ориентации — вот, собственно, и все.

Только на Украине произошли более-менее серьезные политико-идеологические подвижки в сторону еще большего национализма — вплоть до элементов фашизации. Серьезным результатом Майдана стала война в Донбассе, но она началась только потому, что граждане этого региона восстали и попытались взять власть в свои руки. Из этого в конечном счете мало что получилось, в том числе из-за негативного влияния российских властей и российского (плюс местного) капитала. Но начало процесса было именно взрывом самоорганизации снизу,

попыткой начать народно-демократическую революцию (с социальным уклоном).

Украина показала не только и не столько опасность майданов, сколько силу и значимость народного восстания Донбасса и прямой демократии Крыма.

Напомним: Крым стал нашим благодаря решимости его граждан в очень непростых и опасных условиях прийти на референдум и сказать «да» своего рода «геополитической революции» — качественному изменению статуса своей малой Родины в условиях, когда еще никто не знал, как прореагирует Россия, и не ждут ли их после референдума массовая «зачистка» и гражданская война.

2. Не-свершенность назревших социально-экономических и политико-идеологических изменений (будь то революции или хотя бы последовательные и решительные реформы) почти всегда оборачивается не просто политической реакцией, но и экономическим, социальным и культурным регрессом, вплоть до общенациональных катастроф. Примеров этому не счесть, укажем только один: не-свершенность социалистической революции (или хотя бы последовательных социал-демократических реформ в стиле Рузвельта) в Германии первой трети XX в. обернулась для этой страны победой национал-социалистической диктатуры. Да, сначала она принесла видимость успеха — экономика Германии при Гитлере активно развивалась, и благосостояние обывателя росло. Но очень скоро этот успех стал чудовищной трагедией для человечества, а потом и для самой Германии и ее жителей, покрыв несмываемым позором всех, кто способствовал победе гитлеризма.

Литература

1. **Бодрунов С. Д.** Грядущее. Новое индустриальное общество. Перезагрузка. М. : Культурная революция, 2016.
2. **Бодрунов С. Д.** О некоторых вопросах эволюции экономико-социального устройства индустриального общества новой генерации // Экономическое возрождение России. 2016. № 3.
3. **Бузгалин А. В.** Печально я гляжу на левое движение // Альтернативы. 2015. № 3.
4. **Бузгалин А. В.** Ренессанс социализма. М. : Едиториал УРСС, 2003.
5. **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Глобальный капитал : в 2-х т. Изд. 3, испр. и суц. доп. М. : Ленанд, 2015.
6. **Бузгалин А. В., Колганов А. И.** Глобальный капитал : в 2-х т. Изд. 3, испр. и суц. доп. М. : Ленанд, 2015. Т. 2: Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded).
7. **Булавка Л. А.** Постсоветская реальность: императив симулятивного бытия // Альтернативы. 2012. № 2.
8. **Булавка Л. А.** Советская культура как идеальное СССР // Культура. Власть. Социализм. Противоречия и вызовы культурных практик СССР. М. : Ленанд, 2013.
9. **Гэлбрейт Дж.** Новое индустриальное общество. М. : Прогресс, 1969.
10. **Джаббаров Д. Б.** Реиндустриализация и экономика, основанная на знаниях: потенциал в решении проблем общественного развития // Экономическое возрождение России. 2015. № 1.
11. **Кляйн Н.** No Logo: Люди против брендов. М. : Добрая книга, 2003.

12. **Колганов А. И., Бузгалин А. В.** Реиндустриализация как ностальгия? Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии // Социологические исследования. 2014. № 3.
13. **Куликов В. В.** О переходных формах в условиях капитализма // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1972. № 1.
14. **Куликов В. В.** Становление социалистических производственных отношений: Очерки теории и методологии. М. : Изд-во МГУ, 1978.
15. Курс политической экономии / под ред. Н. А. Цаголова. М. : Экономика. 1973. Т. I.
16. **Мандел Э.** Власть и деньги. М. : Экономическая демократия, 1992.
17. Политическая экономия современного монополистического капитализма : в 2-х т. / гл. ред. Н. Н. Иноземцев. М. : Мысль, 1970.
18. **Харви Д.** Мне хотелось бы разобраться в том, что происходит сегодня, ведь мир изменился // Альтернативы. 2013. № 4.
19. **Хессин Н. В.** Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1964. № 7.
20. **Jameson F.** Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. L. ; N. Y. : Verso, 1991.
21. **Mészáros I.** Beyond Capital: Toward a Theory of Transition. L. : Merlin Press, 1995. ◆